

**ФИНЛЯНДЦЫ И НАСЕЛЕНИЕ КАРЕЛЬСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ:
«СВОИ — ЧУЖИЕ» ПОДДАННЫЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В БЕЛЛЕТРИСТИКЕ И ПЕРИОДИКЕ НАЧАЛА XX в.**

Отличавшееся от русских население Великого княжества Финляндского привлекало внимание отечественных авторов на протяжении всего XIX столетия, а с начала 1880-х гг.¹ особое положение Финляндии в составе Российской империи все в большей степени становилось объектом критики и прямых нападок со стороны крайне консервативных сил общества². В центре нашего внимания — образ финна, сформировавшийся у российских читателей благодаря публикациям в прессе и знакомству с путевыми впечатлениями известных беллетристов.

В начале XX столетия жители приграничья прежде других групп населения Финляндии и России оказались в фокусе пристального внимания противоборствующих сторон в лице приверженцев так называемых «панфеннизма» и имперского «великодержавия»³. Идеологическая задача утверждения последнего, в том числе и с помощью православных изданий, формировала у русских читателей враждебные образы финнов и финляндских шведов задолго до того, как бывшие подданные Великого княжества оказались гражданами соседнего независимого государства.

Немногие доброжелательно настроенные в отношении Финляндии и финляндцев российские писатели, в их числе А.М. Горький и А.И. Куприн, старались нарисовать образ жителей финляндского княжества «без предубеждений»⁴. Однако читателю доводилось узнавать об этносах-соседах и из публикаций беллетристов, настроенных весьма скептически. Примером тому может служить рассказ С.Р. Минцлова о посещении Финляндии «Как мы ездили поправлять нервы», увидевший свет в Петербурге в 1910 г.⁵

Любопытно сопоставить впечатления о финляндском княжестве и его жителей, отразившиеся в этом произведении и в очерке «Немножко Финляндии» А.И. Куприна. Очерк появился после поездки писателя на лечение, во время которой он провел в финляндском княжестве первую половину 1907 г.⁶. В начале Первой мировой войны Куприн служил офицером в Великом княжестве, посещал Финляндию более десяти раз в различные периоды жизни и неизменно относился к ней с любовью.

Если об образах Финляндии и финляндцев, иногда идеализировавшихся писателем, уже довольно много написано исследователями⁷, то сопоставления таких экстраобразов, увиденных глазами А.И. Куприна и С.Р. Минцлова, людьми одного круга, одной профессии, приблизительно одновременно, прежде не предпринималось.

Финляндская столица Гельсингфорс (Хельсинки) начала XX в. оставался для российских путешественников особым, отчужденным от русского культурного контекста миром, и не только в силу иноязычного окружения. Оппозиция «восток/запад» на уровне восприятия символов остро ощущалась выходцами из России, несмотря на государственную и имперскую семиотику центра великокняжеской столицы⁸. С пьедесталов памятников смотрели незнакомые изваяния — собиратель рун эпоса «Калевала» Элиас Леннрут, Фредрик Пациус, написавший музыку национального гимна «Наш край», поэт-классик Йохан Людвиг Рунеберг, автор текста гимна.

Памятник Рунебергу, особенно почитаемый жителями финляндской столицы и нередко становившийся объектом городской среды, вокруг которого проводились манифестации финляндцев в знак протеста против унификационных начинаний имперской власти в Финляндии, в описании Минцлова, возможно, именно в силу последнего обстоятельства, предстает перед читателем в явно гротесковом виде. Среди цветочных клумб приехавшие из Петербурга увидели «кубик из красного гранита, на нем статую какого-то господина с бритым, постно-слащавым лицом <...> На памятнике значилась подпись “Рунеберг” — самый известный, в пределах, конечно, Финляндии, поэт ея»⁹.

Еще более карикатурно представлен в его рассказе фонтан «Хавис Аманда» в самом центре города: «В конце бульвара на площади возвышается другая статуя — фрёкен Гельсингфорс. Какая-то обнаженная весьма топорная девица легкомысленно уселась на колючий соломенный сноп, а четыре тюленя, разинув рты, поливают ее струями воды, вероятно, затем, чтобы она образумилась»¹⁰.

Главным символом императорской власти в Финляндии стал один из красивейших городских ансамблей Европы — монументальный комплекс в стиле ампир — административный центр Сенатской площади. С середины XIX в. над площадью возвышается здание лютеранского Николаевского кафедрального собора, напоминающего Исаакиевский собор в Петербурге.

Однако и это пространство внутри «своего/чужого» города вызывает у Минцлова неприятие. «Лучшее место после весьма неважного вида на море, — замечает он, — высокий холм, на котором стоит главный лютеранский собор. Весь скат холма превращен в массивную гранитную лестницу с

широкими ступенями во всю длину ее. И на таком, можно сказать, грандиозном природном постаменте торчит миниатюрная, жалкая копийка Исаакиевского собора. Эстетическое чутье и творческий размах не принадлежат, очевидно, к числу достоинств финнов»¹¹.

Между тем А.И. Куприн, восхищенный финляндской столицей — «так близко от Санкт-Петербурга, и вот — настоящий европейский город» — пишет, что несколько дней провел в гельсингфорском музее Атенеум, «в этом великолепном национальном музее искусства». «Если бы судьба занесла меня опять в Гельсингфорс, я первым делом прямо с вокзала побегал бы на свидание» с «изумительным произведением» художника А. Галлен-Каллела — триптихом на мотивы карело-финского эпоса «Калевала»¹².

Вне зависимости от личных художественных предпочтений того и другого автора в отзыве С.Р. Минцлова об Атенеуме слышится нечто большее, чем простое раздражение от неоправдавшихся ожиданий ценителя изящных искусств: «Что за сброд со всех концов мира! Есть здесь и русские художники, и немцы, и французы <...> И все это серое, серое <...> Даже пресловутый дикарь Гоген, словно по специальному заданию музея, написал тусклую вещь. Ни живых красок, ни живых мыслей, ничего кроме смеси интернациональной пошлости <...> — картинные отбросы всех стран»¹³.

А вот достопримечательности музея и этнические образы, увиденные А.И. Куприным: «Какая громадная грядущая сила, еще не развернувшаяся, но уже поднимающаяся мощной волной, таится, однако, в этих неуклюжих корявых пасынках природы. Искусство их, еще, по-видимому, только пробует голос, точно молодой соловей-первогодок, но Гален, Эдельфельд, Иеренфельд [А. Ярнефельт — *Е.Д.*] — это уже художники, у которых не грех поучится европейским мастерам»¹⁴.

По словам писателя, публика, посещающая Атенеум, «поражает наш русский глаз, привыкший видеть в наших музеях, картинных галереях исключительно нарядную, салонную публику». Здесь в художественном музее можно встретить рабочих, разносчиков, прислугу, одетых, однако, «в самое лучшее праздничное платье»¹⁵.

Между тем у Минцлова вызывает раздражение сам внешний вид жителей финляндской столицы, включая учащуюся молодежь: «Попадались студентки в крохотных белых фуражках, с черными околышами, едва прикрывавших самую середину лохматых голов. Не только красивых лиц, но даже сколько-нибудь изящных фигур не встречалось.

— Хорошенькие-то, видно, еще из-за границы не выписаны!», — иронизирует автор¹⁶.

Куприн же, вынужденный признать, «что в большом количестве женщины в Финляндии не производят очаровательного впечатления» и что «чистокровные финки, увы, некрасивы», завершает их описание следующим наблюдением: «Но чего уж греха таить: совершенно такого же характера красота и великорусских женщин, за исключением разве Поволжья»¹⁷.

Героя рассказа Минцлова повергает в состояние «культурного шока» известие о том, что «в Финляндии банщиков нет, и их обязанность даже в мужских банях и купальнях исполняют женщины:

— Равноправие! Однобокое только. Ни минуты больше не хочу оставаться в этой дурацкой стране!»¹⁸.

Куприн, конечно, тоже не обходит вниманием этой неизменно упоминаемой возвратившимися из Финляндии русскими путешественниками «непонятной, на наш взгляд, отрасли ремесла», о которой говорят «с ужимками, с худо скрытым любопытством, с притворным возмущением: Черт знает что за безобразие!». Но, оказывается, «никакого безобразия в этом нет. Услуживает вам серьезная, деловая женщина, лет тридцати пяти, одетая в безукоризненное желтое холстинковое платье; на шее у нее крахмальный воротничок; короткие рукава, собранные пышным буфом гораздо выше локтей <...> Ни лишних слов, ни жеманства, ни улыбки. Она вас переводит из паровой ванны под душ и в бассейн, мылит, моет, массирует, обтирает, взвешивает на весах и серьезно приговаривает три коротеньких словечка “вар шо гут”, то есть “будьте так добры”. И наш российский козерог быстро подчиняется этой спокойной деловитости»¹⁹.

Так поражающая путешественников особенность «банного сервиса» в финляндском княжестве, очевидно, основывается на давнем обычае финнов, о котором рассказал карельский купец М.Н. Смирнов, долгие годы проживший в Финляндии. Упомянув, что «баня — это символ гостеприимства», автор описывает, как «гостя отправляют одного в баню с молодой девушкой, которая приготовит веник, даст пару, парит, моет и одевает его»²⁰.

Незнание особенностей повседневной жизни и традиций населения финляндского княжества приводит помещика-степняка, спутника Минцлова по поездке в Финляндию, к курьезным заключениям и обобщениям:

«Непрочный народ, — сказал с оттенком пренебрежения Василий Игнатьевич, — И чего у них так мужчины мрут? <...> Да смотри, кругом все вдовы сидят. У каждой на пальце по два обручальных кольца надето». Автор рассказа пишет, что не счел нужным возражать приятелю, хотя для читателей сделал пояснение о том, что «у финнов замужние женщины носят по два кольца»²¹ (подаренных в знак помолвки и при обручении).

У путешественников, приехавших «поправлять нервы» в Финляндию, неприятие вызывает все, начиная от мелочей (обыкновение выдавать пледы посетителям кафе, расположенных в саду: «У вас буфет кроме закусок имеет еще и одеяла?») до административного устройства и законодательной системы финляндского княжества. «Своего-то, не выписанного из-за границы, чего у них есть, — вопрошает Василий Игнатьевич, досадуя на то, что соотечественники слишком “нянчатся” “с этими чухонцами”. — Ровно ничего. Своего у них только допотопные законы, да и те шведские, средневековые»²².

В 1933 г. в последней статье, посвященной стране Суоми, отметив переплетение «своего» и «чужого» в культуре независимой Финляндии и перечислив те «знаковые» явления, которые «будут надолго, если не навсегда, напоминать ее жителям о русской культуре», А.И. Куприн называет и морскую крепость Свеаборг, прикрывающую финляндскую столицу²³.

Любопытно, что литератор, хорошо знакомый с историей края, упомянул крепость, построенную шведами в XVIII в., как памятник русского военно-инженерного искусства. Рядовые же военнослужащие безоговорочно воспринимали Свеаборг как «освоенное» пространство, «островок» России, защищенный от внешнего, подчас враждебного мира²⁴.

Между тем герои рассказа С.Р. Минцлова, более чем за десятилетие до того, как российские войска были выведены из крепости, из Гельсингфорса и из Финляндии, наблюдая Свеаборг с берега и опасаясь что не попадут на его территорию, мотивировали свои сомнения достаточно неожиданно, причем с точки зрения не только военных, но и гражданского населения города: «Как думаешь, пустят нас? — Разумеется, нет! — Свинство! Немцам, небось, она давно вдоль и поперек известна, оттого, должно быть, русских и не пускают в нее <...> С берега осмотрели казенные здания Свеаборга, выкрашенные, вероятно, для лучшей пристрелки неприятеля, в ярко-желтые цвета, и отправились в свою гостиницу»²⁵.

Неподготовленность путешественников к восприятию пространства города — не только столицы автономного финляндского княжества, но и имперского «русского Гельсингфорса», а также предвзятость по отношению к его жителям, которую герои рассказа вовсе не собирались преодолевать, не могли не вызвать у них чувства досады от напрасно потраченного времени: «Уф! Наша поездка окончилась! Прощай, Чухляндия!»²⁶.

Примечательны как употребленное напоследок Минцловым расхожее пренебрежительное название Финляндии, так и описание сценки на одной из станций Финляндской железной дороги, которым завершает свой очерк

Куприн. Он оказался попутчиком двух подрядчиков из Мещовского уезда Калужской губернии, которые возвращались из деловой поездки в Финляндию и впервые воспользовались услугами «шведского стола» в станционном буфете²⁷. Здесь «каждый подходил, выбирал, что ему нравилось, закусывал, сколько ему хотелось, затем подходил к буфету и по собственной доброй воле платил за ужин ровно одну марку тридцать семь копеек. Никакого надзора, никакого недоверия. Наши русские сердца, так глубоко привыкшие к паспорту, участку, принудительному попечению старшего дворника, ко всеобщему мошенничеству и подозрительности, были совершенно подавлены этой широкой взаимной верой», — рассказывает Куприн²⁸.

Каково же было возмущение писателя, когда в вагоне он стал свидетелем обмена впечатлениями между подрядчиками от увиденного ими новшества. Те буквально «издевались над бедными финнами»: один из них похвалялся тем, что съел у «чухонцев» закусок на сумму втрое большую, чем полагалось к оплате, а другой «нарочно стакан кокнул, а потом взял в рыбину и плюнул». Резюме, которым горе-путешественники завершили описание своих «подвигов» сводилось к следующему: «Так их и надо, сволочей! Распустили анафем! Их надо во как держать!»²⁹.

Сделав название своего уезда и губернии именами нарицательными, подрядчики столетие назад вошли в русскую литературу благодаря заключительным строкам очерка А.И. Куприна: «И тем более приятно подтвердить, что в этой милой, широкой, полусвободной стране уже начинают понимать, что не вся Россия состоит из подрядчиков Мещовского уезда Калужской губернии». Эти слова писателя давно перешагнули рамки конкретного исторического периода и ситуации исключительно российско-финляндского пограничья.

Как показали исследователи, противоречивость восприятия одной и той же этнической общности свидетельствует о том, что стереотип зависит не столько от реальных особенностей народа, сколько от чувства вражды или дружбы, которое испытывает носитель стереотипа к тому или иному народу³⁰.

По справедливому наблюдению финляндского исследователя Х. Луостаринена, несмотря на антироссийские и антиимперские выступления в заключительный период «русской истории» Финляндии, настоящий «образ врага», основанный на представлении о том, что Финляндия и Россия не могут сосуществовать мирно, сформировался у финнов в отношении русских только в условиях гражданской войны 1918 г. Он получил подпитку из прежних потенциальных источников русофобских настроений, но сложился лишь в такой политической обстановке, когда «страх и ненависть людей

утратили свой особый объект — российских политиков и бюрократов, тиранивших Финляндию, — и стали направляться против “России” или “русских” как таковых»³¹.

Образ жителей пограничья, формировавшийся у читателей под влиянием беллетристических произведений, публикаций в периодических изданиях начала XX в., настолько разнообразен и противоречив, что любое желание подчинить его единой концепции будет заведомо неудачной попыткой интерпретировать действительные представления русских людей об этносах-соседах.

Неприязненное отношение к представителям «чужой» культуры характерно для описаний и миссионерских поездок русского духовенства по приходам с православным карельским населением как в российской, так и в финляндской Карелии. Этим отличаются, в частности, предназначавшиеся для публикации в журнале «Карельские известия» записи из «Дневника православного миссионера» иеромонаха Исаакия.

Журнал увидел свет в 1913 г. первоначально как издание православного кружка в с. Салми Выборгской губ. (Приладожская Карелия). Он издавался на квартире одного из церковнослужителей А. Михайлова машинописным способом и редактировался настоятелем Крестовоздвиженской церкви на острове Мантсинсаари Петром Шмариным. С началом Первой мировой войны издание журнала взяло на себя Главное (Финляндское) отделение Карельского Православного братства с центром в Выборге. До Февральской революции 1917 г. журнал выходил дважды в месяц и именовался «органом по вопросам религиозно-православной, политической, общественной и народной жизни»³².

Как в «салминский», так и в «выборгский» период истории журнала на его страницах тенденциозно рисовался этнический образ финна, который всячески противопоставлялся образу радушного, дружелюбного православного карела.

Историко-этнографические и литературные источники отразили как этническую мозаичность населения приграничных территорий, так и противоречивые представления людей о носителях «своей» и «чужой» культуры. При этом исследователь не всегда имеет дело с иноконфессиональными образами жителей пограничья. Так, в периодических изданиях можно обнаружить описания курьезов, связанных с неготовностью православных карелов воспринять отдельные элементы чужой для них «городской культуры», в частности гастрономических новшеств.

Вступление России в Первую мировую войну не только повлияло на активизацию памяти об имперском расширении и завоеваниях, измени-

лось восприятие как Финляндии, так и Карелии как места противостояния Востока и Запада. Изучение попыток официальных российских периодических изданий показать имперскую историю как общее прошлое жителей многонационального государства, формировать представления читателей об этносах-соседах, прежде всего карелах и финнах, позволяет исследовать и инструменты, при помощи которых оказывалось воздействие на историческую память населения российско-финляндского приграничья.

***

¹ Подробнее об этом: Лескинен М.В. Образ финна в российских популярных этнографических источниках последней трети XIX в. // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004. С. 154–191; Соломещ И.М. От Финляндии Гагарина к Финляндии Ордина: на пути к финляндскому вопросу // Там же. С. 143–153; Цамутали А.Н. Образ Финляндии в России: влияние на его формирование среды и времени // Там же. С. 12–34.

² Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственной управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.) // М., 2004. С. 225–281; Новикова И.Н. «Финская карта в немецком пасьянсе»: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002; Расила В. история Финляндии. Петрозаводск, 1996. С.127–148.

³ Витухновская М.А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России. 1905–1917. СПб., 2006; Она же. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX — начала XX веков // Многоликая Финляндия... С. 89–142; Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв.: Матер. российско-финляндских симпозиумов историков. М., 2006; Шейкин А.А. Атрибуты финскости или «панфинская пропаганда в восприятии русских чиновников в начале XX века // *Ethnic Images and Stereotypes-Where Is the Border Line? Russian-Baltic Cross-cultural Relations. Third International scientific conference on political and cultural relations between Russia and the states of the Baltic region.* Narva, 2006. С. 101–102, и др.

⁴ Соини Е.Г. Русско-финские литературные связи начала XX века. Петрозаводск, 1998. С. 6–20, 54–55.

⁵ Минцлов С.Р. Как мы ездили поправлять нервы // Минцлов С.Р. Закат: роман. Берлин, [1926]. С. 279–306.

⁶ Куприн А.И. Немножко Финляндии // Куприн А.И. Собр. соч.: В 6 т. М., 1958. Т. 6. С. 613–623.

⁷ Образ Финляндии в русском искусстве и литературе конца XIX — первой трети XX в. // Многоликая Финляндия... С. 192–238; Такала И.Р. Образ соседа // *Stop in Finland.* 2004. № 3. С. 28–31; Ekonen K., Hellman B. Alexandr Kuprin and Finland // *Studia Slavica Finlandensia.* VIII. Helsinki, 1991.

⁸ См. также: Дубровская Е.Ю. Столица Великого княжества Финляндского Гельсингфорс в восприятии российских военнослужащих в годы первой мировой войны // Скандинавские чтения 2004 года. СПб., 2006. С. 191–199.

⁹ Минцлов С.Р. Указ. Соч. С. 295.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 297.

¹² Куприн А.И. Указ. соч. С. 621.

¹³ Минцлов С.Р. Указ. соч. С. 297.

¹⁴ Куприн А.И. Указ. соч. С. 621.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Минцлов С.Р. Указ. соч. С. 293.

¹⁷ Куприн А.И. Указ. соч. С. 617.

¹⁸ Минцлов С.Р. Указ. соч. С. 302.

¹⁹ Куприн А.И. Указ. соч. С. 616

²⁰ Смирнов М.Н. Голос корела. Путевые заметки и корельская поэзия. СПб., 1890. С. 266.

²¹ Минцлов С.Р. Указ. соч. С. 293.

²² Там же. С. 297, 306.

²³ Куприн А.И. Мы, русские беженцы в Финляндии: Публицистика (1919–1921). СПб., 2001. С. 344, 424 .

²⁴ Бажанов Д.А. Матросы и берег: 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в Гельсингфорсе (1914–1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Матер. 5-й ежегод. междунар. науч. конф. СПб., 2004. С. 155–164; Дубровская Е.Ю. Русский Гельсингфорс в 1917 году (политические топографии города) // Культуры городов российской империи на рубеже XIX–XX веков. Междунар. коллоквиум. СПб., 2004. С. 193–221.

²⁵ Минцлов С.Р. Указ. соч. С. 293.

²⁶ Там же. С. 306.

²⁷ Чернышова О.В. Шведский характер в русском восприятии (по свидетельствам XIX–XX вв.). М., 2000. С. 34–36.

²⁸ Куприн А.И. Немножко Финляндии. С. 622–623.

²⁹ Там же. С. 623.

³⁰ Сикевич З.В. Русские: «образ народа» (социологический очерк). СПб., 1996. С. 82; Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1996. С. 7–17; Hofer T. Introduction: “East” and “West” // Hungarians between East and West: National Myths and Symbols. Budapest, 1994. P. 7–8.

³¹ Luostarinen H. Finnish Russophobia: The Story of an Enemy Image // Journal of Peace Research. Oslo. 1989. Vol. 26. No. 2. P. 123–137.

³² Дубровская Е.Ю. Миссионерская деятельность православного духовенства в Карелии в начале XX в. // Христианство в регионах мира. СПб., 2002. С. 58–70; Она же. Финны и карелы на страницах финляндской русскоязычной периодики начала XX в. // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб., 2002. С. 44–54.